

ЕКАТЕРИНА БЕРЕСЛАВЦЕВА

ВРАЖДЕ ОБЛАКОВ

ПОВЕСТЬ

16+

Екатерина Береславцева

Выше облаков

«Автор»

2015

Береславцева Е.

Выше облаков / Е. Береславцева — «Автор», 2015

Очнувшись после серьёзной операции, едва не стоившей ей жизни, Маргарита Громова принимает решение удочерить новорождённую девочку, чья мать умерла при родах в соседней палате. Что же движет ею: психическое заболевание, внутренний голос, череда мистических совпадений или желание решить свои внутренние проблемы, тянущиеся из детства? Маргарита пока не понимает, чем обернётся для неё неожиданное материнство, но одно она знает точно – в её жизнь вторглось нечто, не поддающееся разумному объяснению, и она готова пойти на всё, чтобы эту тайну разгадать.

© Береславцева Е., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	12
Глава 6	14
Глава 7	15
Глава 8	16
Глава 9	17
Глава 10	18
Глава 11	19
Глава 12	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Екатерина Береславцева

Выше облаков

Часть 1

Глава 1

Кромешная темнота сменилась ярким светом, болезненно ударив по моим закрытым глазам. Это случилось вдруг, в одну секунду, и было таким острым и страшным ощущением, что невольно я застонала.

– Очнулась, Иван Семёнович!

Внешний мир вторгся в меня неумолимо. Беспощадно. Громкий стук, похожий на звук идущих механических часов, увеличенный стократно, надсадно и монотонно буравил мои виски. В животе чувствовалась зияющая пустота. Как будто из меня зачем-то вынули все внутренности и забыли вложить обратно. А ещё было очень холодно. Нестерпимо холодно.

Веки разлепились с трудом. Никогда ещё я не видела такого ослепительного потолка. Идеально ровное белое море омывало квадратные светящиеся островки люминесцентных ламп.

– Как вы себя чувствуете, Маргарита Станиславовна?

Незнакомый низкий голос заставил меня слегка повернуть голову направо. Надо мной склонилась широкоплечая мужская фигура в белоснежном халате. Светло-голубая полупрозрачная шапочка на лысеющей голове, плотная маска на лице, серьёзные карие глаза.

– Не знаю, – удалось выговорить мне. – А где я?

Густые брови чуть дрогнули.

– В третьей городской больнице. Мы вас хорошенько почистили, Маргарита Станиславовна.

– Почистили? – До меня не сразу дошёл смысл этого слова. – А я была... грязная?

– У вас был острый перитонит, – медленно, словно ребёнку, объяснил мужчина. – Нам пришлось немало повозиться. К счастью, у вас сильный организм.

– Сильный организм... – повторила я. – А как я сюда попала?

– Вас привёз ваш отец.

– Да? Я не помню.

Что-то мешало мне сосредоточиться. Может быть, этот размеренный стук?

– А что вы...

– Вы можете это отключить? – раздражённо перебила я его.

– Что отключить? – голос доктора стал ещё мягче.

– То, что стучит так нудно. Или это дождь?

– Вам показалось, Маргарита Станиславовна. В реанимации тихо. А за окном светит солнце.

– В реанимации? – я уцепилась за страшное слово. – Я в реанимации?? Почему я в реанимации? Я что, умираю?!

– Всё уже хорошо, успокойтесь! – Доктор присел на стул и коснулся моей руки. Прикосновение было неприятным. – Операция прошла успешно, и скоро вы сможете увидеть своих родных.

Его глаза внимательно и устало смотрели на меня.

– Вы не имели права оперировать меня без моего согласия! – жёстко сказала я.

Слева послышался звон чего-то упавшего.

– В данной ситуации я такое право имел, – голос врача не изменился. – Вы были без сознания, и согласие на операцию дал ваш отец.

– Я не верю. Он не мог этого сделать, не посоветовавшись с моим врачом.

– Фёдор Васильевич подписал все необходимые бумаги, – всё так же ровно произнёс мужчина. – Вам их показать?

– Не сейчас. – Я немного подумала. – Мне нужно позвонить своему доктору. Я могу это сделать?

– Конечно. – Он встал. – Но только позже. Сейчас вам необходимо отдохнуть.

– Я сама буду решать, отдыхать мне или нет! – я повысила голос. – Я не устала и желаю сейчас же позвонить единственному врачу, которому я доверяю!

– Пока вы находитесь в моей больнице, вы будете делать то, что я скажу, пациентка Громова! Я наслышан о вашем характере и предупреждаю, что со мной вам незачем упражняться в хамстве и грубости. Прошу это запомнить! Анечка, приготовьте всё для инъекции, Маргарите Станиславовне пора спать.

– Со мной так ещё никто никогда не говорил! – от возмущения меня бросило в жар.

– Привыкайте, – кинул на прощание доктор и вышел.

Я посмотрела на медсестру. Лицо её пошло красными пятнами.

– Как вы могли такое сказать! Иван Семёнович – гений! Да если бы не он...

– Если бы не он, я бы не валялась сейчас в вашей мерзкой больничке, а находилась под наблюдением самого лучшего доктора! Моего доктора!

– Иван Семёнович вас с того света вернул, – тихо сказала девушка. – Может быть, не надо было?

– Делайте уже свой укол! Я устала с вами спорить. И отключите, наконец, эту штуковину, она меня бесит!

Я бессильно закрыла глаза.

Глава 2

– А носик у нас папин, а глазки бабушкины. Лапочка моя, солнышко, доченька долгожданная!

Так вот что стучит так монотонно! Сердце этой юной женщины! Теперь, когда я поняла это, колющее раздражение отпустило меня. Перед глазами проплыло светлое размытое облако, а в нос проник запах, сладкий и смутно-знакомый, заставивший вздрогнуть всё моё существо. Вздрогнуть и неистово потянуться губами к тёмно-розовому облачку поменьше...

– Доброе утро, Маргарита Станиславовна!

Я непонимающе уставилась на человека, сидящего рядом. Сон, всколыхнувший меня, всё ещё держал в своих объятиях. Не отпускал. Мучил. Мне редко снятся сны. Пожалуй, я их по пальцам могу пересчитать. Я здоровый человек, и к сновидениям у меня точно такой же подход. Ночь нужна для того, чтобы спать. Видимо, непривычные для меня нынешние обстоятельства вынудили организм работать по-другому. Ничего, выпишусь – приду в себя.

– Здравствуй, Ирина. Как это тебя пропустили в реанимацию?

– Мы так волновались, так волновались, Маргарита Станиславовна!

На лице моей заместительницы появилось заботливое выражение. Ага, волновались они, как же! Знаю я, что вы думаете про меня. Так ей и надо, нашей железной леди.

– Ты знаешь, что я не выношу лицемерия, Ира! – я поморщилась. – Что там у тебя? Ты же не просто так пришла, проведать несчастную больную?

– Зачем вы так говорите, Маргарита Станиславовна! – кажется, девушка даже расстроилась. – Нам позвонил Фёдор Васильевич, сказал, что операция была очень сложная, и мы все очень испугались за вас!

– А где сам Фёдор Васильевич?

– Он... У него же встреча в Дрездене, вы забыли? – лицо её стало жалким.

– Ах, да!

Я и не ждала проявления добрых чувств от своего отчима. Подумаешь, единственная падчерица попала в больницу, эка невидаль! Гораздо важнее встреча с Шульцем, которой он добивался почти год. Ну и что ты раздражаешься, Марго, разве сама бы ты не так поступила на его месте?

– Может быть, вам что-нибудь принести, Маргарита Станиславовна? – Ирина скосила глаза на медсестру, которая возилась с каким-то прибором в дальнем углу комнаты. – Мы не знали, что вам можно...

– Маргарите Станиславовне сейчас ничего нельзя, – сухо ответствовала вчерашняя Аня. – У неё глюкоза вместо апельсинов и судно вместо горшка.

– Ой, – вздрогнула впечатлительная Ирина и посмотрела на меня.

– Наша медицина – самая добрая медицина в мире! – громко сказала я.

– Тогда я пойду, Маргарита Станиславовна? – Мне показалось, что глаза моей заместительницы улыбались. Ничего, голубушка, вот выйду я на работу, посмотрим, кто будет смеяться последним! – Выздоровливайте поскорее!

– Ты что, только для этого приходила, Ира? Чтобы пожелать мне скорейшего выздоровления? Что у вас там стряслось?

– Ничего не стряслось, честное слово, Маргарита Станиславовна!

– Так я тебе и поверила, – буркнула я. – Ладно, иди уж. Лиса.

– А... – девушка замешкалась.

– Ты что-то хочешь спросить?

– Нет-нет, ничего. Я потом. – Она бросила быстрый взгляд на медсестру. – До свидания, Маргарита Станиславовна, я к вам завтра приду!

– Займись лучше своими рабочими обязанностями, Ирина! Мне тут и без тебя не дают скучать. Не приходи. Нужна будешь – вызову.

Сон ещё не до конца отпустил меня. Сознание моё раздваивалось, плыло, временами находило странное, бессильное ощущение нереальности происходящего, доносились звуки, которые уж никак не могли принадлежать этому холодному белому месту, но через мгновение комната вновь обретала чёткость и ясность. Это после операции, понимала я, но мне это чертовски не нравилось. Я не привыкла чувствовать себя слабой и беспомощной.

– Аня, вы можете подойти ко мне?

– Слушаю вас, – девушка моментально оказалась около моей кровати. – Вас что-то беспокоит?

– Меня беспокоит, что я ничего не помню про операцию.

– Это нормально, Маргарита Станиславовна, – она слегка улыбнулась. – Действие наркоза обычно...

– При чём тут наркоз? – я грубо её оборвала. У медсестры окаменело лицо. Ладно, попробую по-другому. – Извините меня, Анечка, я просто раздражена из-за своего состояния. Вы же можете это понять?

– Да, конечно, я понимаю, – она кивнула всё с тем же непроницаемым выражением лица.

– Мне необходимо знать, что делали со мной, пока я была под наркозом?

– Вам со всеми подробностями рассказать? – хладнокровно произнесла девушка. – Например, какого размера был разрез в подвздошной области или на какой минуте делали электрическую стимуляцию сердца? А может быть, вам поведать о паллиативном вмешательстве в виде дренирования?

– У вас острый язычок, милая, это я уже поняла. Но вы зря стараетесь, и не такие люди зубки свои обламывали.

– Если вас больше ничего не беспокоит, я займусь своими рабочими обязанностями, уважаемая Маргарита Станиславовна!

Она резко развернулась и устремилась к выходу.

Вот зараза! Злобная девица. И где таких берут? А что такое она сказала про стимуляцию сердца?

– Подождите, Аня!

Она обернулась в шаг от двери.

– Слушаю вас.

– Что вы имели в виду, когда говорили об электрической стимуляции сердца? Это что значит?

– Спросите у Ивана Семёновича, я не компетентна отвечать на такие вопросы.

– Ну так позовите его!

– Когда доктор будет свободен, он обязательно к вам зайдёт! – вежливо пропела девушка и закрыла за собой дверь. Вот нахалка!

Глава 3

Я медленно выплывала из сна. Мне не хотелось просыпаться. То, чего я была лишена всю свою жизнь, внезапно реализовалось в моих бессознательных сновидениях, повторяющихся со сладостным постоянством из ночи в ночь. Не было никаких забот и ответственности в моём безмятежном младенческом состоянии. Одни лишь простые желания: поесть, поорать, испачкать пелёнки. Я купалась в этой безмятежности, как в парном молоке, и была окутана непроницаемой защитой человека, который дарил мне свою любовь и ласку и которого звали Надя. Наденька. Надежда. Больше никого и ничего в том мире не было.

Он позвонил, когда длинная стрелка на белом циферблате прикоснулась к короткой. Сравнить биение времени с биением сердца внутри себя было сейчас моим единственным занятием.

- Здравствуй, Фёдор! – Я никогда не называла своего отчима папой.
- Как ты себя чувствуешь, королева Марго? – голос его был уставшим.
- По сравнению с Бубликовым – просто прекрасно. Как Шульц? Тебе удалось его укротить?
- Лошадка оказалась норовистая, но и мы не лаптем щи хлебаем.
- Значит, нас можно поздравить? – Я не понимала, обрадовали ли меня его слова.
- Естественно! – он хмыкнул. – Осталось кое-какие бумаги подписать и всё, можно откупоривать шампанское!
- Наконец-то! По такому случаю увеличиваем рабочий день!
- Если бы я тебя не знал, то подумал бы, что ты пошутила, Марго.
- Но ведь теперь работы у нас прибавится! – равнодушно пожалала я плечами. – Ты же знаешь, что я сама буду вкалывать больше всех! А если могу я, значит, смогут и другие.
- Тебе надо было родиться мужчиной.
- Я сама иногда так думаю.
- Правда? – он удивился. – Это что-то новенькое!
- Только кто бы тогда капал тебе на нервы? – усмехнулась я.
- Лучше уж капай, я потерплю.
- Раньше ты такого не говорил...
- Старею, наверное.
- Ты? Стареешь? Глупости какие. – Я взглянула на вошедшую медсестру. – Ладно, Федь, пришли по мою попу. Завтра созвонимся. Привет Шульцу!
- И вам не хворать, – рассмеялся отчим и отключился.

Сколько было мне лет, когда в моей жизни появился Фёдор? Двенадцать? Да, я училась тогда в шестом классе, была примерной ученицей и жила вдвоём с бабушкой. Мать моя моталась по свету в поисках счастья, оставив дочь в первый же день выхода из родильного дома. Я была не нужна ей. Я не давала ей жить весело и праздно, это могли дать только мужчины, коих в жизни моей мамы было вагон и маленькая тележка. Фёдор тоже был в их числе. Ему повезло только в одном – он оказался последним.

Они приехали ко мне, когда бабушка уже лежала в земле. Мать разыскала наша соседка, толстая тётя Даша. Она рассудила, что негоже ребёнку при живой матери жить в детском доме. Тётя Даша всегда была добра ко мне.

Фёдор удочерил меня и дал свою фамилию (отчество осталось дедовым) – это было непременным маминым условием, если он хотел жить с ней. А он хотел. Он почему-то очень её любил, мою несчастную мать. Нам недолго было суждено жить втроем. Через несколько дней

после усыновления мать по старой своей привычке собралась в дорогу – она не могла долго находиться на одном месте, – и Фёдор отыскал её на вокзале прекрасного города Краснодар. Совершенно больную и разом постаревшую.

На похоронах тётя Даша ревела громче всех. Фёдор тихо сидел за столом и вливал в себя стакан за стаканом. Я была в своей комнате. На следующий день у нас должна была быть контрольная по математике, и не подготовиться я не могла.

Детский дом остался без умной воспитанницы – у меня был официальный родитель. Тётя Даша могла собой гордиться.

Фёдора я ненавидела. На него тратила свою любовь моя мать, обделяя меня. На него и на других точно таких же громких, грубых и похотливых мужчин. Я жила сама по себе. Пересекалась в квартире с отчимом только на кухне, терпеливо ожидая, когда освободится ванная и когда мне стукнет восемнадцать лет.

Выгонять Фёдора я не стала. Ушла сама. К тому времени отношение к нему в корне поменялось, но сказать об этом – значило признать себя слабой. Слабой я не была. Когда я всё про себя поняла, то переехала жить к однокурснику и вскоре вышла за него замуж. Через полгода взаимных упрёков и оскорблений мы развелись. Мне повезло – квартира бывшего мужа осталась мне.

Когда Фёдор открыл своё дело, он взял меня к себе. Из меня получилась отличная начальница. Я всегда была умной и смыслёной девочкой.

В душу к себе я никого не пускала.

Глава 4

– Надя, Надежда! – истошный крик, раздавшийся в коридоре, разбудил меня. Я опять видела этот сон. Только на этот раз безмятежным он не был.

– Что ты кричишь, Дуся? – другой голос прозвучал прямо за моей дверью. – Пациентов распугаешь!

– Я Надю ищу. Не видала, Ань? Надя куда-то делась. А она кричит и кричит, успокоить не могу.

– В курилке поищи. Ох уж эти молодые мамы!

Я замерла. Всё это было как-то связано с тем, что приснилось мне несколько минут назад, но думать об этом было страшно. Аня зашла ко мне в палату. Меня перевели сюда вчера, и Ане уже не нужно было приглядывать за мной. Но она была упрямая девица.

– Что там случилось, Ань?

– Это больница, Маргарита Станиславовна, здесь всегда что-нибудь случается.

– Кто такая эта Надя?

– Вы температуру мерили?

– Я спрашиваю вас, Анна, кто такая Надя? Или у меня проблемы с дикцией?

Взгляд медсестры ясно дал мне понять, с чем у меня проблемы, но нарываться она не стала.

– Надя – пациентка из родильного отделения. Оно находится на нашем этаже, если вы успели заметить. В правом крыле.

– Как я могла это заметить, если не выходила из палаты ни разу?

– А я думала, вы всё замечаете, Маргарита Станиславовна. Где ваш градусник?

– Не знаю я, где градусник, следить за ним не входит в мою компетенцию!

Я многозначительно посмотрела в её круглое лицо. Аня усмехнулась.

– Как ещё ваши сотрудники не разбежались, – негромко сказала она.

– Я плачу им хорошие деньги, – не преминула ответить я. – Вам такие и не снились в вашей захудалой больнице!

– Не гадь там, где живёшь...

– Что вы там всё бормочете? Лучше принесите мне градусник!

Весь день я прислушивалась к тому, что происходит за дверью. Острая тошнотворная тревога парализовала все мои чувства, не спасали даже короткие заплывы в мутную воду сновидений. При выныривании ещё больше сдавливало виски и быстрее билось сердце. Об инъекции реланиума Аню я попросила сама.

Глава 5

Я вырвалась из безумного плена с кровавыми ранами на руках. В буквальном смысле – во сне я расцарапала себе ладони до крови. Меня мутило. Мама, мамочка!

– Что с тобой, деточка, тебе плохо? Позвать дохтура?

– Я осталась одна!

К горлу подкатывала едкая тошнота. От непривычной тишины стыли пальцы.

– Я давно одна. – Соседка по палате опять легла. – И деток не нажила. А ты молодая.

– А муж?

– И-и-и, где тот муж? – Она равнодушно махнула рукой.

Когда к нам зашёл доктор Арсеньев, я уже всё знала.

– Ванечка, она меня всю измучила!

– Кто вас измучил, Марья Гавриловна? – Ванечка, он же Иван Семёнович, крепкий мужчина пятидесяти четырёх лет, улыбнувшись, присел у бабкиной кровати.

– Грыжа ента! И грызёт, и грызёт, сладу с ней нет!

– А мы её порошочками, Марь Гавриловна, да пилюльками, она и успокоится. Ну-ка, дайте я посмотрю!

Он откинул серое одеяло и зашелестел, зашуршал чем-то.

Я смотрела прямо перед собой. Закрыть глаза я боялась.

– Громова, вы меня слышите?

– А?

Я очнулась. Арсеньев сидел уже около меня.

– О чём вы задумались? – Его рука мягко ощупывала мой живот. – Здесь не болит?

– Нет, Иван Семёнович. А куда девочку теперь отдадут? В детский дом?

– Какую девочку? – Его пальцы замерли.

– Девочку, которая осталась одна. Совсем одна.

– Я не понимаю...

– Иван Семёнович! – я резко села. Он отпрянул назад. – Вы всё прекрасно понимаете! У ребёнка нет родственников, ей дорога теперь только в приют?

– У нас не дом малютки, Маргарита Станиславовна. – Мужчина встал. – Мы не можем оставить её тут.

– Я хочу её удочерить!

Я выпалила это неожиданно не только для доктора, но и для самой себя. А, сказав это, поняла, что решила всё уже давно. Утром. Когда часы остановились.

– Вы, кажется, сошли с ума? – Доктор рассматривал меня как препарированное насекомое. Интересно, почему оно так дрыгает ножкой?...

– Наоборот, Иван Семёнович. Я в здравом рассудке. И я удочерю эту малышку, даже если для этого мне придётся умереть!

– Женщины всегда отличались нелогичностью.

– Мужская точка зрения. Сколько её будут здесь держать?

– До оформления всех бумаг.

– Иван Семёнович! – Я встала, опираясь на ледяную спинку кровати. – Умоляю вас, вы можете мне помочь?

– Вы и сами неплохо держитесь на ногах, – усмехнулся он.

– Вы можете задержать отправление девочки в дом малютки? – я пропустила колкость мимо ушей.

– Нет, Маргарита Станиславовна. – Арсеньев перевёл взгляд на старуху. – Я пришлю к вам медсестру, Марья Гавриловна.

– Иван Семёнович, пожалуйста! Ей там будет плохо! А я... я всё, что хотите, для вас сделаю!

Он взялся за ручку двери и обернулся ко мне. Чьи-то каблучки процокали мимо нашей палаты.

– Оформляйте временную опеку. Я... задержу. – И вышел.

Глава 6

– Ты сошла с ума, королева Марго? – телефонная трубка в моей руке недовольно дёрнулась голосом Фёдора.

– А других слов у тебя нет? – я устало откинулась на подушку. – Просто скажи – ты можешь мне помочь или нет?

– Ты же никого не любишь! Зачем тебе этот ребёнок? Тешить своё самолюбие?

Он заметно нервничал. Конечно, ведь это отразится на нашей работе!

– Это никого не касается, кроме меня! – Я упрямо сжала губы. – Так ты поможешь мне?

– А когда я тебя бросал? – выдохнул он через минуту.

Глава 7

- Вот смотрите, она там. Третья слева...
- Я знаю, Аня. Я могу туда войти?
- Скажите спасибо Ивану Семёновичу. – Её лицо покраснелось. – Не знаю уж, как вы его уговорили. Была бы моя воля...
- Я знаю, знаю, Анечка. Вы бы меня и на порог не пустили. Очень ценю вашу откровенность. – Я жутко волновалась.
- Она такая славная! – Девушка улыбнулась, посмотрев за стеклянную дверь. – Так жалко её.
- Никогда никого не жалеете, Анна. Жалость оскорбительна. Просто любите – этого будет достаточно.
- А вы кого-нибудь любите, Маргарита Станиславовна? – хмыкнула она.
- Василису. Я назову её Василиса. Чудное имя, правда?
- Вы... – Она долго смотрела в моё лицо. – Идите, Маргарита Станиславовна, скоро у них кормление.
- Она лежала на спине и, не мигая, смотрела на меня.
- А носик у нас папин, а глазки бабушкины...
- Она вас не слышит. И не видит. – Из-за моей спины появилась незнакомая медсестра. – В таком возрасте они воспринимают окружающий мир в виде теней.
- Не буду с вами спорить. – Я-то знала! – А кто будет её кормить, пока... она здесь?
- Смирнова. – Она кивнула на соседнюю кровать. – Это её пятый ребёнок. Крепкая деревенская баба. И группа крови совпадает.
- Хорошо. – Я была не против. Нам нужно здоровое питание. – Спасибо вам.
- Смирновой спасибо скажете, – поджала она губы и отвела взгляд.
- И ей тоже... – Карман белого халата медсестры заметно оттопырился. Тётя Даша всегда говорила, что людям надо давать то, что они заслуживают. – Я вечером ещё зайду!
- Заходите, мамочка! – Голос её заметно подобрел.
- Краем глаза заметив какое-то шевеление за стеклянной дверью, я резко оглянулась. Арсеньев. Задумчивый взгляд его был направлен на меня. Задерживаться доктор не стал – выйдя, я не застала ни его, ни Ани.
- Маргарита Станиславовна, если хотите, я могу приходить помогать с девочкой. Я умею обращаться с младенцами.
- Аня сказала это небрежно, перестелив соседнюю постель. Марью Гавриловну утром выписали.
- Спасибо, Аня. – Я постаралась вложить в голос максимум доброжелательности. – Если я не справлюсь, то обязательно вас приглашу.

Глава 8

Я посмотрела вверх и зажмурилась. Июльское небо плавилось в солнечных лучах. Сегодня будет жаркий день. Меня повело – когда я в последний раз была на улице?

– Что с тобой, Марго? Не рано ли тебя выписали?

– Всё в порядке, Фёдор. Давай я сама...

– Прекрати, не хватает только сейчас её уронить! Лучше залезай в машину.

– Маргарита Станиславовна!

Ко мне бросились какие-то люди. Солнце брызнуло мелкими осколками прямо в глаза.

– Ирина, Костик, вы зачем здесь? И Людмилу Павловну притащили!

– Вы такая молодец, Маргарита Станиславовна! Мы так гордимся вами!

– Вот ещё, выдумали! Ну-ка, марш на работу!

Но они меня будто не слышали.

– Какая хорошенькая! На вас похожа!

– Что ты несёшь, Ира! – Фёдор посмотрел на меня. А я улыбалась, как дура.

– Ну, правда же, скажите, Людмила Павловна?

– Лишь бы здоровенькая была! – возвестила опытная бухгалтерша, мать троих детей.

– Папаша, цветы забыли! – из дверей больницы выскочила нянечка.

– Спасибо, Евдокия Ивановна!

Я перехватила огромный букет и открыла дверцу машины. На красное лицо Фёдора смотреть я не могла.

Глава 9

- Феденька, сколько лет я не брала отпуск?
- Царствующим особам отдых не положен по статусу.
- Тогда мне придётся отказаться от короны.
- Не глупи, Марго! – он поморщился. – Двух недель тебе хватит?
- Ты надеешься, что за это время я образумлюсь?

Он покраснел. Значит, я попала в точку.

- Я надеюсь, что за это время ты как раз успеешь найти няню.

Его рука нервно потянулась к карману.

- В этом доме больше не курят, Фёдор Васильевич!

Я встала. Мне не терпелось остаться наедине с малышкой.

- Ты очень похожа на свою мать.

– Поговорим об этой прекрасной женщине завтра, ладно, Фёдор? Я страшно устала, а нам с Василисой ещё купаться...

- Она бы тобой гордилась, Марго.

- А ты уверен, что мы говорим об одном и том же человеке?

- Мы с тобой никогда это не обсуждали, Маргоша, – он упрямо наклонил голову, – но...

– Не надо и начинать, ладно? – я выразительно посмотрела в тёмные глаза. – Этот разговор всё равно ни к чему не приведёт.

– Я знаю, что простить непросто, – тихо сказал он. – Иногда даже кажется, что невозможно. Но сильные люди должны быть великодушными, иначе они превращаются в слабых.

Я промолчала.

– Может быть, мне всё-таки остаться, Марго? Мне совершенно не нравится, как ты выглядишь.

– Ты же знаешь, Федя, я быстро восстанавливаюсь. Горячий кофе и холодный душ поставят меня на ноги.

- Я завтра Иру с памперсами пришлю. И с детским питанием.

- Спасибо тебе за всё, Федя. Спасибо.

- Я ведь тебя люблю, девочка моя, – уходя, он невесомо скользнул рукой по моему плечу.

- И я тебя... – прошептала я уже в пустоту.

После смерти моей матери Фёдор так и не женился. Время от времени я узнавала об очередной женщине, появляющейся в его жизни, но каждый раз его хватало ненадолго. Я не знаю, что не устраивало моего отчима. На мой взгляд, это были вполне сносные бабы; нескольких из них я видела лично, и все они были похожи между собой, как колёса одного автомобиля. С любой из этих курочек его бы ждала сытая и спокойная жизнь. Но Фёдор, видимо, думал иначе. Примириться с фактом, что он до сих пор любит мою мать, я не могла.

- А ты способна на такое чувство?

Я взглянула в зеркало, висящее в прихожей. После нескольких недель больницы от моего лица осталась бледная тень. А ведь мне никогда не давали моих лет. По шее пробежал холодок – наверное, в комнате распахнулась форточка. Василиса чихнула, а у меня засвербело в носу. Я обернулась. Детские глаза с недетской тоской смотрели прямо на меня. И вот тут я, наконец, потеряла сознание.

Глава 10

– Маргарита Станиславовна, я гляну расписание электричек, ладно?

Я не успела ничего сказать. Ирка оказалась быстрее меня.

– Ой, вы тоже эзотерикой увлекаетесь? – её глазёнки восторженно блеснули. – Обожаю такие штучки! Магия, гадания, предсказания – меня просто дрожь берёт от всего этого! И про реинкарнацию я много читала!

Она ткнула пальчиком в экран монитора. Кровь опалила мои щеки мгновенным выбросом.

– Ты хотела расписание посмотреть, Ира? – я отвернулась к кровати.

– Да-да, извините, – она вздохнула. – Меня же дома ждут...

Глава 11

Из меня вышел бы отличный учёный! Эксперименты, которые я ставила в эти дни на себе, сделали бы честь любому исследователю. Только результат этих безумных действий никак не мог меня устроить. И однажды я не выдержала. Оставив Василису на несколько минут одну, я сбегала в ближайший магазинчик и приобрела там бутылку коньяка. Надеюсь, этого хватит, чтобы счастливо провести хотя бы один вечер. Вернувшись, около своей двери я обнаружила доктора Арсеньева.

– Нечаянная радость, – пробормотала я, заводя руку с сумкой за спину. – Здравствуйте, Иван Семёнович. Чем обязана?

– Мне нужно с вами поговорить, Маргарита Станиславовна.

– Приходите завтра, сегодня у меня не приёмный день.

Я не могла вытащить ключи, иначе он бы всё понял.

– Это невозможно. Вам придётся впустить меня, Маргарита Станиславовна, независимо от того, хотите вы этого или нет. Речь пойдёт о вашем ребёнке.

– Тогда отвернитесь.

– Что??

– Вот такой у меня каприз! Отвернитесь, и я открою дверь. Или никак.

– Вы взбалмошная особа, – он всё-таки повернулся. – Мало вас пороли в детстве.

– Некому было. – Я ловко достала ключики, умудрившись не звякнуть ими по стеклу. – Мамаше не до меня было, а бабуля меня жалела. Прошу, Иван Семёныч. Тапки на полочке, а я пойду чайник поставлю.

И я улизнула на кухню. Меня трясло. Ну вот, а ведь я ещё трезвая.

– У вас очень уютно.

– Благодарю. Считайте, дань вежливости вы отдали, а теперь слушаю вас внимательно.

Вам сколько ложек сахара?

– Три. Она очень похожа на вас.

– Кто? – Я сделала глоток и обожгла губы – чай был нестерпимо горячий.

– Не прикидывайтесь дурочкой. – Он невозмутимо водил ложечкой по дну чашки. – У вас это плохо получается.

– Да? А в детстве мне прочили карьеру актрисы. Неужели учителя ошибались?

– Я хочу знать правду.

– О моём несостоявшемся таланте?

– Маргарита Станиславовна! – он нахмурился. – Вам придётся мне всё рассказать.

– Откуда у вас такая уверенность?

– Вам ведь больше не с кем поделиться. Или я не прав?

Он, не отрываясь, смотрел мне прямо в глаза. Я не дрогнула.

– О чём вы говорите, Иван Семёнович?

– Я очень неплохой хирург, Рита. А у хирургов чертовски развита интуиция.

– Не называйте меня этим именем!

– Так обращалась к вам ваша мама?

– Вы страшный человек, Иван Семёнович. Но я вас не боюсь.

– Такие женщины, как вы, боятся только одного. – Он сделал паузу. – Саму себя.

– Зачем вы пришли, Иван Семёнович?

– Я пришёл помочь вам, Марго.

– Если я вам всё расскажу, вы упрячете одну из нас в психушку, а вторая сойдёт с ума в приюте.

– А если вы откажетесь от моей помощи, одна из вас сопьётся быстрее, чем попадёт в весьма уважаемое мной заведение. – Он улыбнулся, бросив красноречивый взгляд в сторону кухни.

– Черт вас возьми!

Я призадумалась. Чем мне грозит моё откровение? Самое страшное, что может произойти, – доктор сочтёт меня сумасшедшей, но я ведь всегда смогу отказаться от своих слов!

– Ладно, ваша взяла! – Я встала и подошла к кровати. Василиса сладко спала. Я могла и не проверять, ведь я и так это знала. – Иван Семёнович, скажите, вы верите в Бога?

Я обернулась. Он, кажется, ничуть не удивился моему странному вопросу.

– Как доктор медицинских наук я бы мог сказать, что не верю, но как практикующий хирург – спорю сам с собой. Сначала я врач, Маргарита Станиславовна, а уже потом учёный.

– А что такое душа в вашем понимании, Иван Семёнович?

– Какой у нас неожиданный разговор получается, Марго, – он удобнее устроился на диване. – Что ж. Я думаю, что душой можно назвать некую бессмертную субстанцию, которая присутствует в любом живом теле.

– Она одна и та же, эта субстанция, на все живые формы? Или в каждом теле своя?

– Хм. Если не брать за постулат ныне модную теорию о бозоне Хиггса, так называемой частице Бога, то я могу сказать, что в каждом теле – своя, индивидуальная сущность. Да, думаю, так.

– Вы слышали что-нибудь о реинкарнации, Иван Семёнович?

– Естественно. Это переселение душ. После смерти одного тела душа воплощается в другом. Если не ошибаюсь, эта теория в ходу в индуизме, ну и ещё в ряде религий.

– А может такое быть, что душа вселяется не в одно тело, а сразу в два? – небрежно сказала я и сжала рукой перекладину кровати.

– Помилуйте, Марго, это уже какой-то абсурд! Это совершенно невозможно!

– Значит, мне все-таки придётся лечь в психушку.

Я не торопясь вернулась на своё место. И замолчала.

– Но... – Он нахмурился. Взгляд его пробежал с меня на спящего ребёнка и обратно. – Этого не может быть, потому что не может быть никогда!

– Вы абсолютно правы, Иван Семёнович. Жаль, что согласиться с вами я не могу. Уж извините.

– Что вы хотите этим сказать, Маргарита Станиславовна?

В его голосе я расслышала растерянность. Очень хорошо его понимаю.

– Всё, что хотела, я уже сказала, Иван Семёныч! – я в упор на него посмотрела. – Предупреждаю, я откажусь от своих слов сразу же, лишь только вас посетит прекрасная мысль упрятать меня куда подальше. С глаз долой – из сердца вон.

– Но... – Он выглядел довольно обескураженным.

– Я и не ожидала другой реакции от вас, Иван Семёнович. Ладно, забыли. Если вам хочется сейчас уйти, не останавливайте себя в столь разумном порыве. Да, и вот ещё что... Я не буду на вас в обиде.

– Подождите! – вскричал он. – Вы что же, хотите сказать, что вы и девочка... что у вас обеих...

– Да, Иван Семёнович. У нас с Василисой одна душа на двоих. Именно это я и хочу сказать. И что, вы все ещё желаете нам помочь? – Я невесело усмехнулась.

– Так вы, наверное, шутите! – он нервно рассмеялся. – А я, старый пенёк, повёлся. Ведь меня же предупреждали о вашем...

Я резко вскинула правую руку вверх. Доктор отшатнулся от меня и замолчал. Его взгляд переметнулся на детскую кровать. Василиса, словно опытная синхронистка, повторяла все мои движения, не сбившись ни разу. Я думаю, со стороны это выглядело даже смешно. Правда,

господин Арсеньев так, видимо, не считал. В его глазах стоял самый настоящий ужас. Как будто перед его ногами вдруг разверзлась глубокая чёрная пропасть.

– Давайте свой коньяк! – через минуту потребовал он.

– Давно пора, – пробормотала я и поспешила на кухню.

Когда я вернулась, доктор стоял около кровати и внимательно рассматривал маленькое сопящее существо.

– Ищете ниточки? – весело заметила я, расставляя рюмки на столе. Мне почему-то стало очень легко. Не зря психологи советуют выговориться как следует. – Извините, лимона нет, придётся сыром закусывать. Ну ничего, к следующему вашему визиту я подготовлюсь основательнее.

Руки у доктора слегка дрожали. Он выпил первую рюмку одним махом, с минуту помолчал, вслушиваясь во что-то внутри себя, а затем разлил ещё по одной. Его уверенность пришла мне по душе.

– Хорошо пошло! – отдала я дань застольному этикету и блаженно откинулась на спинку дивана. Горячая нега разливалась по моему организму. И зачем я так долго тянула? Интересно, а не скажется ли это на Василисе? Да нет, я ведь не кормящая мать! – Ну что, Иван Семёнович, весёлая ночь вам теперь обеспечена?

– Рассказывайте, Марго! Более внимательного слушателя вы вряд ли теперь найдёте.

– Сначала ответьте на мой вопрос, доктор. Как долго длилась моя клиническая смерть?

– Три с половиной минуты.

– И в это же самое время в соседней операционной рожала Надежда?

– Я не понимаю, к чему вы ведёте! – нервно дёрнулся он. – Да, да, ваша Василиса родилась именно в эти минуты. Но это просто совпадение!

– Это безумное, чудовищное совпадение! В одной комнате умирает женщина, в другой рождается невинное существо. Но что-то пошло не так, да, Иван Семёнович? Что случилось при родах? Вы ведь наверняка знаете это.

– Асфиксия вследствие обвития пуповиной. Это можно было предотвратить, если бы Надежда наблюдалась у врача. Но она попала к нам с улицы и не имела при себе никаких документов. Роды были стремительные...

– И закончились бы плачевно, если бы не я.

– Вы что же, хотите сказать, что каким-то образом ваша душа...

– ...попала в тело этого несчастного ребёнка, а затем, почувствовав, что её тянет назад, стала отчаянно метаться, никак не решаясь сделать страшный выбор. В итоге она совершила невозможное – разделилась на две части, и вскоре мы с Василисой пришли в себя.

– Такого бреда я в жизни не слышал! Наверняка, можно найти разумное объяснение всем этим... этим... странностям!

– Этим?

Я сложила ладони вместе. Василиса отреагировала моментально. Жуткое зрелище, я вам скажу, грудной младенец в позе молящегося.

– Наливайте, Марго!

Он опрокинул в себя ещё одну рюмку.

– Когда вы начали о чём-то догадываться?

– Мне снились сны, Иван Семёныч. Странные сны. Как будто я новорожденный младенец, а рядом со мной – самое родное для меня существо, моя мамочка... Я списывала эти сны на своё состояние – все-таки мне впервые довелось пройти через хирургическую операцию, – но потом я услышала разговор в коридоре... – Я влила в себя остатки медовой жидкости и протянула пустую рюмку за следующей порцией. – Не скупитесь, господин доктор, когда мне ещё придётся так расслабиться!

– А на ребёнке это никак не отразится? – он с опаской взглянул в сторону кровати.

- Вот и проверим, Вансемёныч! – хохотнула я и хлопнула его по плечу.
- О, да вас совсем повело, моя дорогая! Вы что, ничего не ели сегодня?
- Вы знаете, Вансмёнч, – я заглянула в его прекрасные глаза. – Я так счастлива, что вы пришли, так счастлива! Ко мне ведь никто не ходит... ик... в гости, только этот... папаша и ещё эта... как же её...
- Я теперь вас часто буду навещать, Марго.
- Правда? Вы просто душка, Вансмич, дайте я вас расцелую за это!

Глава 12

Проснулась я от детского крика. Мне не с первой минуты удалось осознать, кто я и где нахожусь. Какой-то крепкий мужичок суетился возле Василисы. Ба, да это же Арсеньев! Какого чёрта он делает в моем доме?

– Вы пришли, чтобы вылечить мою больную голову, Иван Семёнович?

Я ждала гудящие виски. Нестерпимо хотелось пить.

– Где у вас памперсы, Марго? Ваш ребёнок очень привередлив, не желает лежать в мокром.

– Господи, сколько же я спала? – вдруг ужаснулась я, всё вспомнив. – И который вообще час?

– Восемь утра. На первый завтрак вы уже опоздали.

– Восемь?! – Я нецензурно выругалась. А что, могу себе позволить, я у себя дома! – Так она же голодная!

– Не голоднее вас. Ночное и утреннее кормление мы не пропустили.

– Мы?

– У меня двое детей и одна внучка, уж поверьте, Маргарита, разводить сухие детские смеси я умею.

– Ох!

В совершенном смущении я кинулась к упаковке с памперсами, лежащей в платяном шкафу. Значит, пока я, назюзюканная до беспамятства, валялась на диване, доктор, как любящий папаша, ухаживал за моим чадом? И я ещё хотела напиться в одиночку??

– У вас есть огуречный рассол, зелёный чай или минералка, Марго?

– Минералка вроде бы оставалась... – Я облизнула пересохшие губы.

– Я сам поменяю памперс, а вы марш за водой! – непререкаемым тоном сказал он. – И примите контрастный душ. Помогает. Идите, идите уж!

– Спасибо, Иван Семёныч! Вы настоящий друг!

Я бросилась на кухню, по пути вспоминая, что я такого могла наговорить доктору ночью. В памяти остались только какие-то обрывки. Будем надеяться, что я вела себя достаточно прилично...

– Вода – это жизнь!

С этим неоспоримым утверждением я вышла из ванной, одетая в жёлтый махровый халат, и с полотенцем, закрученным на голове. Дышать стало значительно легче.

– Вот теперь вы похожи на человека! – с улыбкой заметил доктор.

– Мне даже не хочется вас спрашивать, на кого я была похожа раньше, – благодушно сказала я, и тут раздался звонок в дверь. Кого это принесло в такую рань?

– Вы кого-то ждёте? – удивился Арсеньев, продолжая покачивать Василису на руках. Ему очень шла роль заботливого дядюшки.

– Вроде нет.

Я пожалала плечами и направилась в прихожую. На пороге квартиры стоял мой отчим с какой-то пожилой дамой рядом. Я отступила назад.

– Познакомься, Марго, это Арина Родионовна.

– А вашего Сашеньки здесь нет!

– Очень смешно! – Фёдор переступил порог, увлекая за собой незнакомку.

– Может быть, ты мне объяснишь, что происходит?

– Арина Родионовна – опытная няня. Она будет смотреть за ребёнком.

– Вот как? – я скрестила руки на груди. – А разве я просила об этом?

– Фёдор Васильевич сказал, что вам нужна няня! – громко протрубила гостья. Да, решительности ей не занимать!

– Извините, Арина Родионовна, но... – я обернулась на шаги.

– Иван Семёнович? – удивился Фёдор. – А вы что тут делаете?

– Василису укачиваю, – невозмутимо ответил доктор. – Здравствуйте, Фёдор. И вам, Арина Родионовна, моё почтение. Как ваша печень, больше не шалит?

– Не шалит, доктор... – пробормотала тётка, тут же подрастеряв свой боевой пыл, и вжалась в стену.

– Вы решили сменить вид деятельности, а заодно и имя, дорогая Зоя Петровна? Похвально, очень похвально! – Арсеньев усмехнулся.

– Ну, раз няня вам больше не нужна, я, пожалуй, пойду...

Дама быстро ретировалась, только мы её и видели. Фёдор недоуменно поднял брови.

– Я что-то ничего не понял.

– Где ты её взял, Федя?

– В агентстве. Мне порекомендовали её как очень ответственного и опытного человека.

– Только опыт этой милой дамы лежит в другой области, – хмыкнул доктор. – И никак не имеет отношения к воспитанию детей.

– Ты что, не увидел, что она любит закладывать за воротник?

– С чего ты взяла, Марго? – Фёдор нагнулся за тапочками. Шея его покраснела. – Мне она показалась вполне достойной женщиной.

– Вот именно, показалась, – многозначительно произнесла я. – И ей ты хотел доверить мою Василису?

– Ну ладно, признаю свою ошибку! – Он быстренько переобулся и прошёл в комнату. – Иван Семёнович, а вы мне так и не сказали, что вас к нам привело.

– Ко мне, – тихо пробормотала я.

Но Фёдор услышал. Он уже внимательнее взглянул на меня, оценил мой легкомысленный наряд, распаренное лицо, и глубокая складка прорезала его лоб.

– А разве я не могу навестить свою пациентку, Фёдор Васильевич?

Арсеньев осторожно переложил заснувшую Василису в кроватку и повернулся. Взгляд его был прямым и строгим.

– Ну почему же... – смутился Фёдор. – Конечно, можете. Просто я не ожидал увидеть вас, да ещё в такое время...

– Иван Семёнович оставался на ночь, – небрежно произнесла я. – Федя, сварить тебе кофе?

– Свари.

Кажется, он хотел сказать совсем другое, но сдержался. Только взгляд его стал каким-то беспомощным.

– А вам, Иван Семёныч?

– Спасибо, Маргарита Станиславовна, я уже дома поплюю. Прошу прощения, но мне пора.

– Надеюсь, вы не из-за меня уходите?

– Ну что вы, Фёдор Васильевич! Маргарита Станиславовна, вы не помните, куда я положил свой портфель?

– Он в прихожей.

– До свидания, Фёдор Васильевич.

– Всего доброго, Иван Семёнович.

– Я вам позвоню, Маргарита! – на прощание сказал доктор.

Я закрыла за ним дверь.

– Ну что ты на меня так смотришь, Марго?

– Федя, скажи мне, пожалуйста, ты обо мне заботишься или о своей чёртовой работе?

– Послушай, девочка, ты ведь очень устала! – он приобнял меня за плечи. – Ну что плохого в том, что тебе будет помогать няня, а? Это ведь не навсегда!

– Я ненавижу, когда ты говоришь со мной таким тоном! – отрезала я и отстранилась. – Если мне нужна будет помощница, я сама этим займусь. А тебе не пора на работу?

– Неужели тебе ещё не надоело меня упрекать? – он опустил руки. В глазах его плескалось что-то неуловимое. – Когда ты уже простишь нас, Марго? Прошло двадцать пять лет! За убийство меньше дают!

– За убийство? – у меня перехватило дыхание. – Убийство – это когда ты каждый день ждёшь, что увидишь свою маму, а мамочка в это время прыгает с кровати на кровать в поисках очередного удобного мужчины, вот что такое убийство! А ещё когда твой первый враг Серёжка Изотов караулит тебя у школьных дверей и на глазах у всех разрезает в лохмотья твоё платье, потому что знает, что защищать тебя просто некому! И когда самое ласковое слово, которое ты можешь услышать от своих друзей со двора – наша сиротинушка, потому что именно так называют тебя их родители!

Дальше я говорить не могла. Я стояла посреди комнаты с побелевшими костяшками на сжатых кулаках, злая, красная и ненавидела себя за те слова, которые сейчас из меня выплёскивались. Сколько тысяч раз я клялась сама себе, что никогда никто не услышит их от меня, потому что никто не должен видеть моей слабости!

– Я пытался быть хорошим отцом, – тихо сказал Фёдор. – Но ты возненавидела меня в ту же секунду, как я переступил порог твоего дома. Ты и сейчас не можешь меня простить за то, что я любил твою мать.

– Ха-ха! Только ты ей не нужен был, ведь она бросила и тебя!

– Ты права, меня ждут на работе.

Он снял со спинки стула свой пиджак и несколько раз пытался вдеть руку в рукав. Я молча наблюдала за ним. Что-то горячее поднималось внутри меня, что-то такое, о чём я давно позабыла, и я вдруг с ужасом поняла, что сейчас произойдёт! В последний раз я плакала в детском саду, я это точно помню. Даже когда я стояла на школьном крыльце с изрезанным платьем и оплётанной душой, я чувствовала в себе только жгучую ненависть и жажду отмщения, но никак не слёзы!

Так и не взглянув в мою сторону, Фёдор вышел в коридор и всё так же молча принялся обуваться. Я сдерживалась изо всех сил. Завязав шнурки, он выпрямился, взял в руку портфель и только тогда посмотрел на меня. Неотрывным и долгим взглядом. Дышать мне становилось всё труднее.

– Я больше не побеспокою тебя, Марго, – негромко сказал он и вышел.

Я стукнула кулаком в стену. И не надо меня беспокоить, никогда! Пропадите вы все пропадом!

– Что с вашим голосом, Маргарита Станиславовна? Вы простыли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.